

Глава 2. Истоки

Как сладостно Отчизну ненавидеть!
И жадно ждть ее уничтоженья!
И в разрушении Отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.

Владимир Печерин

По поводу русской интеллигенции и ее роли в истории написаны сотни работ. Главным недостатком большинства из них является отсутствие четкой дефиниции этого понятия. Интеллигенция, как змея, ускользает из рук исследователя. Поэтому все попытки обвинить ее в чем-либо натываются на проблему – а является ли тот или иной исторический персонаж членом этой замечательной социальной группы. Попытке устранить этот пробел и посвящена данная работа.

Если оставить в стороне сказки о былинных богатырях-интеллигентах, то реальная интеллигенция, как особая социальная группа, зародилась в конце 40-х годов XIX века, самоидентифицировалась в 60-ых и вышла на историческую сцену, прежде всего, в виде движения народников. Естественно, рождению предшествовал некоторый «инкубационный» период, когда социальная группа уже формировалась, но еще не идентифицировалась.

Но прежде чем определять характеристики этой социальной группы, рассмотрим исторические условия, при которых она возникла. Начнем с важнейших.

Русский этнос в XIX веке вступил в фазу надлома. Признаком наступления этой фазы является изменения стереотипа поведения его членов, императив которого теперь формулируется как: «Главное, чтобы не так, как было!». Первым проявлением наступившей фазы можно считать восстание Декабристов в 1825 году. В дальнейшем возникающий в этой фазе раскол единого этнического поля только углублялся, затрагивая все слои русского общества.

Фазу надлома проходят все этнические системы, и в этом ничего уникального нет. Уникальность заключалась в том, что русский этнос вступил в эту фазу в соседство с западно-христианским суперэтносом, находящимся в конце

инерционной фазы, в эпоху расцвета материальных сил. Он значительно обогнал Россию в экономическом и научно-техническом развитии и, особенно, в области гуманитарных наук.

Наличие философских идей, исходящих от более успешного во многих отношениях соседа. Практически полное отсутствие собственных. Страстное желание немедленных перемен, характерное для фазы надлома. Все более углубляющийся духовный раскол. Все это стало тем историческим фоном, на котором формировалась русская интеллигенция.

Были еще две менее существенные, но все же, достаточно значимые предпосылки рождения этой социальной группы, во многом определившие ее облик. Во-первых, значительный рост числа образованных разночинцев, наблюдавшийся с середины XIX века. Во-вторых, предшествовавший этому бурный расцвет масонских лож, имевший место в России со второй половины XVIII века до первой четверти XIX века.

История масонства в его современном понимании, столь тесно переплетенная с современной историей России, ведется с XVII века. Но вся символика и ритуалы указывают на глубинную связь «вольных каменщиков»¹ с древними еврейскими каббалистическими сектами. А их история насчитывает не одно тысячелетие. Непосредственными предшественниками современных масонов многие исследователи считают Орден Тамплиеров. Он возник в Палестине в результате крестовых походов, где тамплиеры могли вступить в контакт с каббалистами.

В 1731 году первая, документально зафиксированная масонская ложа появилась и в России. Вначале в ее состав входили в основном иностранцы, и руководилась она из английского центра. Но очень скоро появились ложи, состоявшие целиком из высокородных русских аристократов, а руководящий центр переместился в Германию. Одним из первых русских масонов стал Президент иностранной коллегии барон Петр Шафиров.

¹ слово масон, MASON в английской транскрипции, означает каменщик.

Во времена Елизаветы количество русских масонов непрерывно росло, а при Екатерине II на территории России действовали масонские ложи уже трех систем: немецкой, шведской и английской. В 1777 году, в ложе шведской системы был посвящен в масоны наследник престола, Павел Петрович. В России было создано девять лож шведской системы, а часть уже существующих лож перешла под ее контроль. Таким образом, многие видные государственные деятели оказались в подчинении у шведского короля, главы шведских масонов.

Узнав об этом, Екатерина в 1779 году запретила деятельность масонских лож шведской системы. Руководство российскими масонскими ложами перешло к германской системе. В 1782 году Великая Национальная ложа России стала восьмой провинцией немецкой системы «Строгого чина», гроссмейстером ордена которой был герцог Фердинанд Брауншвейгский.

Познакомившись поближе с деятельностью вольных каменщиков и их уставом, императрица задалась простым вопросом. А можно ли считать людей, приносящих присягу Ордену, деятельность которого направляется из-за границы, благонадежными подданными? И в 1782 году, когда Екатерина почувствовала себя уже достаточно уверенно на троне, наиболее влиятельные масоны-придворные были удалены от дел.

Затем случилась кровавая вакханалия во Франции, участие в ней масоны не только не срывали, но всячески подчеркивали свою решающую роль. Все это сильно подействовало на Екатерину. В 1792 году было проведено следствие, за которым последовал указ о строжайшем запрещении масонских лож. Масоны ушли в «подполье». Но, ни одна ложа не прекратила свою деятельность, ни один масон высоких степеней не пострадал. Все стрелки были переведены на выдающегося русского просветителя и книгоиздателя Новикова. Он и был «разоблачен» каменщиками на следствии как главный масон и враг Отечества. Суд над Новиковым и уход основных «каменщиков» от ответа продемонстрировал, что масоны уже тогда начали приобретать серьезное влияние во всех государственных органах.

После воцарения Павла I, «каменщики» вновь получили свободу деятельности. Но Павел не оправдал надежд «братьев». Едва укрепившись на престоле, уже в 1797 году он подтвердил запрет деятельности масонских лож и удалил от себя видных масонов-царедворцев, провозгласив курс на возрождение народного самодержавия.

Но «братья» не сидели сложа руки, и в 1801 году Павел был убит в своем новом Михайловском замке. На престол взошел отцеубийца Александр I, царствование которого стало золотым веком русского масонства.

Придя к власти в результате масонского заговора, Александр вынужден был разрешить открытую деятельность лож «вольных каменщиков» и даже сам принял посвящение. Старые ложи вышли из подполья, начали интенсивно создаваться новые. Причем наибольшее влияние в России постепенно получают ложи Великого Востока Франции. Масонство становится модным увлечением высшего света, а салонные вечера превращаются в заседания лож. Но теперь уже, кроме высшей аристократии, в ложи в больших количествах устремляются мелкие чиновники, деятели культуры и прочие разночинцы. Кроме моды, их привлекала туда возможность общаться «на равных» с сильными мира сего, а также карьерные интересы. Засилье масонами высших государственных должностей практически лишало человека, не состоящего в «братствах», возможности продвинуться по службе.

Мировое масонство является типичным примером антисистемы, то есть секты с негативным мировоззрением, для которой ложь является принципом существования. Поэтому нужно с большой осторожностью относиться к информации о масонских ложах, так как всегда существует вероятность того, что она инспирирована самими масонами.

Масоны всячески стремились создать о себе впечатление безобидной организации с архаичными ритуалами и благородными, хотя и несколько наивными целями. Для поддержания этого имиджа создавалось большое число мелких и якобы независимых лож с членами низших ступеней посвящения. Туда привлекались наиболее талантливые и известные члены общества, художники,

поэты, музыканты. Занимались они исключительно «просветительской» деятельностью и «улучшением нравов». Для привлечения таких членов использовалась естественная человеческая любознательность и накопленные масонами огромные знания в области управления людьми и манипулирования сознанием.

Получив при Александре право легальной деятельности, масоны взяли под контроль и создали вновь множество общественных просветительских и благотворительных организаций. Под прикрытием этой благородной деятельности они развернули масштабную работу по разрушению духовных основ уже всего русского народа, постепенно вырывая своих последователей из русской этнической системы. Особенно большой урон нанесла деятельность созданного в Англии Библейского общества. Оно под видом изучения Библии занималось подрывом основ православия и распространением масонских идей. Ближайший помощник Александра, иллюминат Михаил Сперанский для разрушения православия изнутри планировал создать специальную ложу, в которую должны были приниматься «наиболее способные из духовенства».

Сильно было влияние масонов и среди преподавателей сети всесословных уездных школ и губернских гимназий, созданной в 1804 году по указу Александра. Благодаря этим преподавателям масонские идеи стали проникать и в другие слои общества. Крупнейшими рассадниками масонства естественно стали университеты, как старый, так и созданные при Александре. Дело дошло до того, что Сперанский предложил Государю идею объединить все ложи в пирамиду, на вершине которой в качестве Мастера Великой ложи должен был встать сам Александр.

Казалось, что «каменщики» близки к тому, чтобы взять государство под свой контроль. Но нужно отдать должное Александру I. В 1822 году он решил издать указ о запрете всех тайных и, прежде всего, масонских организаций.

Масоны «серьезных градусов» перевели свои ложи в «спящий режим». В нем они и пребывали, дожидаясь своего часа, который наступил в начале XX века. Радикальные масоны ответили восстанием Декабристов. Большинство же,

для которого членство в ложах было только приятным время препровождением, прекратило свою «тайную» деятельность.

Но длительная масонская пропаганда оставила глубокий след в умах «передовых слоев» русского общества и заложила такие черты будущей интеллигенции, как презрение и отрицание всего национального, русского. Здесь можно согласиться с мнением профессора Соколова, что «масоны – родоначальники этической субкультурной традиции в русской интеллигенции», Также как и с мнением религиозного философа Василия Зеньковского, заметившего: «В русском масонстве формировались все основные черты будущей «передовой» интеллигенции». Можно сказать, что из этого масонского бульона и выросла русская интеллигенция, которой предстояло сыграть такую большую и трагическую роль в истории России на рубеже XIX-XX веков.

Как же могло случиться, что масонство так легко и быстро сумело проникнуть в высшие слои русского общества. На мой взгляд, кроме отмеченного выше колоссального опыта, накопленного масонами в управлении человеческим сознанием, главная причина кроется в антинациональной направленности ранних реформ Петра I. Они оказали максимальное влияние именно на столичное дворянство. Воспитываемые на презрении ко всему народному, утратившие национальные корни отпрыски аристократических семей легко попадали в сети опытных масонских «просветителей». Фонвизинские «петиметры», гордившиеся тем, что «батюшка русский язык не любил, а я его и вовсе не знаю», заполняли свой духовный вакуум оккультизмом. Тем более что внешне это выглядело вполне безобидно. Масоны в России всячески подчеркивали, что условием вступления в их ряды является верность православию.

Вообще, многократно упомянутая уникальность России проявилась и здесь. В конце XVIII и в первой половине XIX века родным языком для русской аристократии стал французский язык. На нем они общались, писали и думали. Для них он был родным, впитываемым с «молоком матери». И только для общения с прислугой и «чернью» нанимались учителя из образованных разночинцев, обучавших отпрысков основам русского языка.

Презрение к «чуждому» языку черни, естественным образом воспитывало и презрение к его носителям. А под влиянием масонского «просвещения» это презрение легко трансформировалось в презрение и ненависть уже ко всему Отечеству и его государственным институтам.

Абсурдность ситуации ярко проявилась во время Отечественной войны 1812 года. Народные партизаны побили немало русских офицеров, в темноте принимая их за французов, так как те неосторожно общались на чужом языке. В армии было даже издано распоряжение, запрещающее при рейдах по тылам общаться по-французски. Но даже когда многие гусары пытались обращаться к партизанам на русском, то говорили с таким чудовищным акцентом, что мужики принимали их за врагов. Еще один парадокс. Многие декабристы, «борцы за народное счастье», на следствии давали показания на французском, так как по-русски писать не умели.

И только гений Пушкина и Гоголя спасли русский язык от полного забвения правящим классом. А затем появился и стал все больше расширяться слой читающей и пишущей публики из разночинцев. В отличие от дворянства, думали и писали они на русском языке, хотя французский многие тоже знали. К этому добавилась политика Николая I, разрешавшего издавать газеты и журналы только на русском языке. Да и разгромленная наполеоновская Франция стала терять свой международный авторитет и притягательность для русской аристократии. К тому же небывалый патриотизм простого народа, проявленный во время войны, не даром названной Отечественной, вызывал у аристократии невольное уважение. А вместе с ним стало возвращаться и уважение к русской культуре. Все это постепенно вернуло наш родной язык в аристократические дома. И к середине XIX века русский язык, как это ни странно звучит, вернул себе статус родного для русской элиты. Хотя французский еще долго оставался вторым основным.

Вместе с разгромом масонских лож, были отстранены от преподавания и наиболее известные профессора философии. А с 1826 по 1835 годы чтение курсов философии в Московском университете было вообще запрещено. Но инте-

рес к философии запретить было уже нельзя. Только центр интереса переместился из университетов в философские кружки.

Первый такой кружок, «Общество любознания» возник практически сразу после закрытия масонских лож, в 1823 году. Среди его членов были: князь Владимир Одоевский, будущий сенатор и основоположник русского музыкознания; Иван Киреевский, будущий теоретик славянофильства; Александр Кошелев; Сергей Шевырев, будущий декан Московского университета. Общество по-

сещали также Алексей Хомяков, будущий основоположник славянофильства и Михаил Погодин, будущий профессор Московского университета. Все они были очень молоды (Погодину было 23, остальным от 17-ти до 19-ти лет) и чрезвычайно амбициозны. Также следует отметить, что все они, опять-таки за исключением Погодина, были дворянами.

Кошелев позднее рассказывал: «Новое общество собиралось тайно, и об его существовании мы никому не говорили... Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любознателей... христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любознателей. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний».

Можно вполне понять и простить этот юношеский максимализм, тем более что ни на самих участников, ни на российское общество в целом, эти любознательствования существенного влияния не оказали. Любопытно, что, несмотря на юношескую увлеченность немецкой классической философией, все они, за исключением Одоевского, в зрелые годы стали славянофилами.

С конца 20-х годов центром брожения общественной мысли становится Московский университет. В нем появляются первые профессора, сторонники

Михаил Павлов
1793-1840

философии Шеллинга. Сначала Михаил Павлов, а в 1830 году и Николай Надеждин, пытались распространять ее среди студентов всеми доступными способами. Причем Павлов был одним из первых в многочисленной плеяде будущих профессоров университетов, направлявшихся на стажировку в Европу. Там они должны были «повышать квалификацию», но вместе с ней привозили «мятежный дух свободной

философской мысли».

Последствия распространения «мятежного духа» не заставили себя долго ждать. В 1827 году среди студентов Московского университета возник революционный кружок братьев Критских, состоявший из разночинцев. В том же году он был разгромлен полицией. В 1830 году студент Московского университета, ученик Надеждина, Весса-

Николай Надеждин
1804-1856

рион Белинский организовал студенческий философский кружок. И в нем практически все члены также были разночинцами.

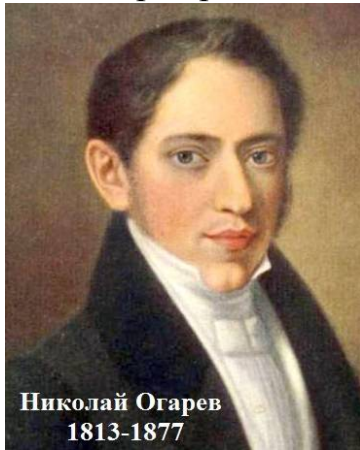

Виссарион Белинский
1811-1848

В 1831 году для пропаганды своих философских идей, Надеждин открыл журнал «Телескоп». И в том же году, снова среди студентов Московского университета дворянского происхождения, возник радикально-революционный кружок Николая Сунгурова, также быстро разгромленный.

Напуганное ростом революционности своих студентов, начальство московского университета «на всякий случай» закрыло и литературно-философский кружок Белинского, а самого его исключило из университета.

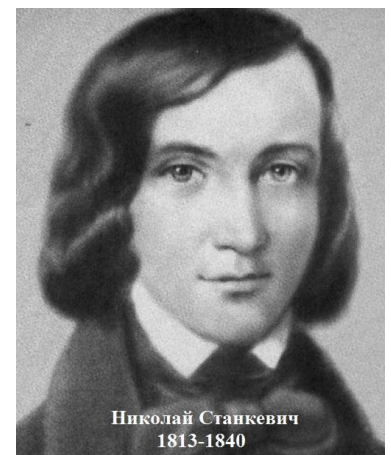
Но, едва был разгромлен кружок Сунгурова и закрыт кружок Белинского, как в университете возник новый кружок. Он формировался вокруг 19-ти летнего Александра Герцена и 18-ти летнего Николая Огарева. Хотя среди его членов студентами были не все. В отличие от революционных кружков братьев Критских и Сунгурова, этот кружок был умеренно политическим. В нем обсуждались идеи утопического социализма. Все одиннадцать его членов были дворянами. В 1834 году кружок также был разгромлен из-за распространявшихся там памфлетов на Императора.

Двое его членов были помещены в тюрьму и вскоре умерли. Остальные были отправлены в ссылку. Никто из них, кроме Герцена и Огарева, сколько-нибудь заметного влияния на процесс «брожения умов» в России того времени не оказал.

Наконец, в 1832 году, и опять в основном из студентов Московского университета, вокруг 19-ти летнего студента Николая Станкевича возник самый знаменитый литературно-философский кружок. Он оказал наибольшее влияние на развитие философской мысли в России того периода.

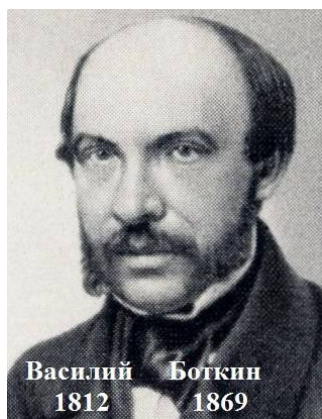
Поначалу этот кружок мало отличался от других кружков московского университета. В нем юные студенты восторгались учением Шеллинга, так как Станкевич тоже был учеником Надеждина. Среди его участников в будущем известность приобрел только поэт и публицист Константин Аксаков.

Но, в отличие от других, этот кружок просуществовал до 1839 года и в разное время его членами были такие известные западники, как: Белинский; Тимофей Грановский; Михаил Бакунин, будущий идеолог анархизма; Василий Боткин, литературный критик; Иван Тургенев, буду-

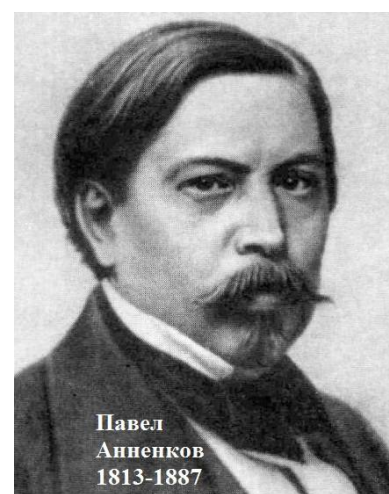
щий великий писатель. Кроме того, в кружок входил Михаил Катков, будущий консерватор и основоположник русской политической журналистики. Посещали кружок и будущие славянофилы Иван Киреевский и Юрий Самарин.

Аксаков, вспоминая о кружке Станкевича, отмечал, что «в этом кружке вырабатывалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу... воззрение большей частью отрицательное». А мемуарист Павел Анненков в работе «Замечательное десятилетие» вспоминал: «Белинский ещё не вносил ни малейшего раскола в тот молодой кружок, сформировавшийся в начале 30-х годов под сенью Московского университета... Зародыши различных и противоборствующих мнений

уже находились в нём...но зародыши эти ещё не приходили в брожение и таились до поры до времени за дружеским обменом мыслей, за общностью научных стремлений. Достаточно вспомнить, что Аксаков был тогда германизирующим философом, не менее Станкевича. Киреевский – завзятым европейцем и западником, не уступавшим Грановскому».

Следует отметить, что все члены этого кружка, как и всех предыдущих кружков, были достаточно молоды. Даже на момент его распада в 1839 году, никому из них не было и тридцати. А большинству не было и двадцати пяти – для философа возраст юный. Но в отличие от других кружков того периода, в нем впервые наблюдалось сословное смешение. Разночинцы Белинский, Боткин и Катков участвовали в философских дискуссиях наравне с дворянами.

В 1836 году в кружок Станкевича буквально врывается, как писал Анненков, «молодой отставной артиллерийский офицер Михаил Бакунин... он не

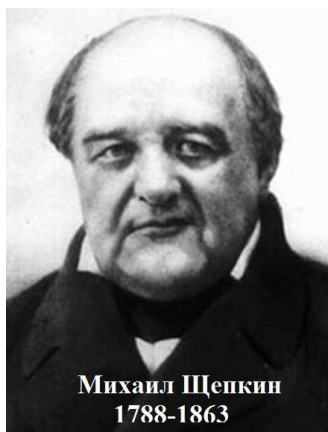

знал, что делать с собой и наткнулся на Станкевича, который, угадав его способности, засадил за немецкую философию». В результате яркий пассионарий Бакунин сумел передать всем участникам кружка, и прежде всего Белинскому, «упоение гегелевской философией». Шеллинг был отставлен и теперь «человек, не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что не существующим человеком».

Самым пламенным поклонником Гегеля, как еще недавно не менее ярким сторонником Шеллинга, стал Белинский. При этом немецким он не владел и знал о философии Гегеля только из довольно произвольных пересказов Бакунина. Также как до этого он познакомился с философией Шеллинга из рассказов Станкевича.

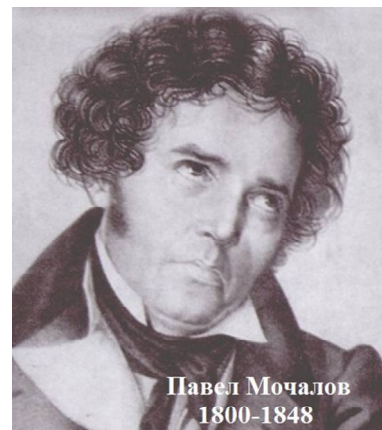
Несколько особняком от революционных и философских кружков студентов Московского университета стоял литературный кружок Николая Селивановского. Хотя его организатор в 1927 году тоже закончил Московский университет.

Среди его членов был уже знакомые нам Михаил Погодин и Василий Боткин, поэт Алексей Кольцов, писатели Федор Кони и Николай Полевой, художник Карл Рабус, композитор Александр Варламов, знаменитый хирург Федор Иноземцев, профессор Московского университета Дмитрий Крюков, знаменитые артисты Михаил Щепкин и Павел Мочалов

и многие другие. Бывал там и Белинский. И этот кружок также носил сословный характер, так как в основном состоял из разночинцев.

Прежде чем продолжить рассмотрение развития философской мысли в России, необходимо дать определение понятию ее основных носителей – раз-

ночинцев. Разночинцами называлась межсословная категория лиц, не принадлежащая ни к одному из установленных сословий: дворянству, духовенству, купечеству, мещанству или крестьянству.

До XIX века к разночинцам относились в основном низшие придворные и стацкие служители, а также отставные солдаты и их дети, не записавшиеся в купечество или мещанство. Также к разночинцам относились дети личных дворян и выходцы из духовенства, не ставшие священнослужителями.

Но к середине XIX, благодаря развитию сети сословных гимназий, а также университетов, значительную долю разночинцев стали составлять выходцы из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства и мелкого чиновничества, получившие образование, но не поступившие на государственную службу. Именно эти образованные разночинцы, освоившие профессии врача, учителя, журналиста, переводчика, публициста, писателя, художника, композитора, стали основой для формировавшейся русской интеллигенции.

Так как важнейшую роль в формировании интеллигенции сыграли университеты, особенно Московский, необходимо бросить взгляд на состояние и развитие университетов в России XIX века.

В 1802 году было создано министерство народного просвещения, которое провело реформу образования. Она привела к появлению широкой сети сословных приходских и уездных школ и губернских гимназий. В дополнение к Московскому университету были открыты университеты в Дерпте (Тарту, 1802), Вильно (1803-1831), Казани (1804), Харькове (1805), Санкт-Петербурге (1819) и, соответственно, создано шесть учебных округов во главе с этими университетами.

Была поставлена задача. Привлечь в университеты способную дворянскую молодежь с целью подготовки кадров для замещения все возрастающего числа должностей государственной службы. С этой целью выпускникам и преподавателям присваивались определенные ранги (классы). Так, успешно выдержавшим выпускные экзамены присваивался 12-ый класс, магистрам — 9-

ый, адъюнктам и докторам — 8 класс, профессорам — 7-ой. При том, что уже девятый класс давал право на получение личного дворянства.

Но этот стимул больше привлекал разночинцев. Поэтому и преподаватели, и студенты в первой четверти XIX века в основном были разночинцами. При этом количество их было крайне мало. К началу реформы, в Московском университете было всего 64 студента и 13 профессоров. И хотя к 1819 году, к моменту завершения создания округов, численность студентов существенно выросла (в Московском университете — 605 студентов, в других — значительно меньше), но для такой большой страны это число было все еще крайне мало.

Дворяне по-прежнему не хотели отдавать своих детей в университеты, предпочитая пажеские и кадетские корпуса, а также дворянские лицеи. Учиться в университетах вместе с разночинцами, где профессорами в основном были бывшие семинаристы, они не желали.

Нехватка преподавательских кадров в университетах стояла очень остро. Поначалу ее пытались решить за счет иностранных профессоров. Более шестидесяти иностранцев было приглашено в Россию и распределено по всем университетам. Но, как известно, что русскому хорошо — то немцу смерть. Очень скоро почти все они оказались в Дерпте. После чего Дерптский университет расцвел, превратившись в крупный научный центр и кузницу преподавательских кадров. А другие университеты по-прежнему прозябали.

И тогда министру народного просвещения, графу Сергею Уварову пришла в голову интересная мысль. Для пополнения преподавательских кадров направлять заканчивающих университеты наиболее способных юношей из обедневших дворянских родов на стажировку за границу. Отправлялись они в основном в Берлинский университет, бывший в то время образцом классического университета.

Всего с 1829 по 1847 год за границу было отправлено 92 будущих преподавателя, из них в Берлинский университет — более 60-ти. Помимо этого, для повышения престижа преподавателей, были существенно повышены оклады профессоров и адъюнктов.

Благодаря этим командировкам, проблема преподавательских кадров была практически решена. Но если бы Сергей Семенович знал, чем все это закончится, он, наверное, прострелил бы голову, в которую пришла столь «счастливая» мысль.

Тем не менее, престиж университетов был повышен, и число студентов в них стало постоянно расти. В 1836 году численность студентов во всех университетах достигла 2-х тысяч, а в 1848 – уже 4-х тысяч. При этом значительная часть студентов по-прежнему составляли разночинцы. Благодаря этому доля образованных разночинцев, осваивающих свободные профессии, непрерывно росла. А общее число разночинцев к 1850 году достигло 200-сот тысяч человек. Хотя дети отставных солдат по-прежнему составляли большинство.

О материальном положении тогдашней профессуры можно судить по картине художника Николая Подключникова, изображающей дружескую

встречу профессоров Московского университета на квартире декана медицинского факультета Алексея Филомафитского.

На картине слева направо: Григорий Сокольский (1807-1886) - профессор терапии; Филомафитский (1807-1849) - профессор физиологии; Петр Редкин - профессор законовещения и правовещения; Дмитрий Крюков (1809-1845) - профессор древней истории и римской словесности; Федор Иноземцев (1802-1869) - профессор практической хирургии.

Как мы помним, преподаватели командировались за границу и ранее. Еще в 1820 году упомянутый нами профессор Московского университета Михаил Павлов «привез» из Германии в Россию философскую систему Шеллинга.

Но тогда это были единицы. Теперь же среди стажеров были такие будущие знаменитости, как: хирурги Николай Пирогов и Иноземцев; известный правовед Федор Мильгаузен; химик Александр Воскресенский; математик Петр Котельников; физик Василий Лапшин; экономист Александр Чивилев; историк Михаил Куторга; правоведы Петр Калмыков и Никита Крылов.

Все они стали прекрасными преподавателями, учеными, специалистами, внесшими значительный вклад в науку и образование. Но для нашей темы интересны другие стажеры: филологи Владимир Печерин, Крюков и Михаил Катков; историки Грановский, Михаил Лунин и Сергей Соловьев; правовед Редкин, а также писатель Тургенев. К ним можно добавить Ивана и Петра Киреевских, Константина Аксакова, Василия Боткина, Огарева, Бакунина и Станкевича, которые выезжали на учебу в Берлинский университет за свой счет.

Именно эта группа молодых мыслителей привезла из-за границы увлеченность духом вольтерьянства и западными идеями: рационализмом, эмпиризмом, позитивизмом, гуманизмом, либерализмом. Немецкая классическая философия стала властительницей их неокрепших умов.

Подведем промежуточный итог. В результате петровских реформ и более чем полувекового засилья масонских лож, интеллектуальный слой русского дворянства оказался оторван от родной почвы. Для некоторой его части, пропитавшейся западными идеями, духовной родиной, по меткому выражению фило-

софа Виктора Аксючица, стала «некая мифическая европейская культура, местонахождение которой – в искаженном сознании русских образованных людей». Эта часть дворянства и стала одной из составляющих будущей русской интеллигенции. Другая ее составляющая сформировалась из части разросшегося слоя образованных разночинцев. В отношении западных ценностей эти разночинцы во всем подражала нашему «европейскому» дворянству. А уж по степени ненависти к своей Родине, часто даже и превосходили.

И все это наложилось на доминирующий стереотип поведения фазы надлома, для которого характерно стремление к немедленным и радикальным переменам.

Но в 30-е годы эти два сословных субстрата существовали еще отдельно. Вспомним, что большинство кружков этого периода создавались по сословному признаку. Для слияние их в единую социальную группу должно было возникнуть классическое противостояние по принципу «свой – чужой». Необходим был внешний враг, в схватке с которым и рождаются новые общности.

И в 40-е годы схватка началась! Это десятилетие известно нам как период борьбы западников и славянофилов. Повзрослевшие поклонники классической немецкой философии, в юности вместе преклонявшиеся перед западной культурой и наукой, теперь разделились на два непримиримых лагеря. Для решающей битвы обе стороны объединились в два кружка. Западники – в возникший к 1840 году кружок Белинского. Славянофилы – в свой одноименный кружок.

В кружок Белинского входили: Кавелин, Герцен, Огарев, Анненков, Василий Боткин, издатели Николай Языков и Евгений Корш, поэт Владимир Соллогуб и многие другие, менее известные персонажи. Какое-то время к этому кружку примыкали будущие писатели Достоевский и Иван Гончаров. Идеи западников в то время разделяли Грановский, Тургенев, Крюков, Редкин, Сергей Соловьев, публицист Николай Майков, издатель Андрей Краевский, критик Иван Панаев, эконо-

Николай Языков
1803 1846

мист Владимир Милютин и многие другие. К ним можно отнести и редактора журнала «Современник», поэта Николая Некрасова.

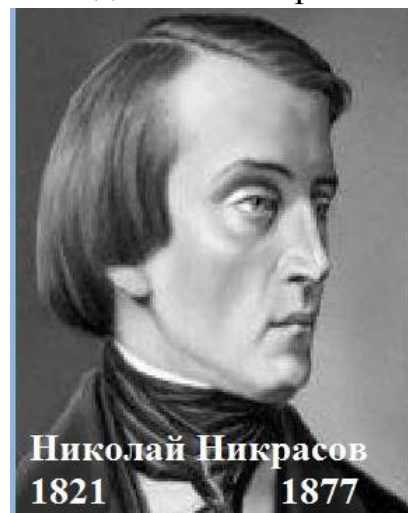

Владимир Соллогуб
1813-1882

Главным изданием западников сначала был журнал «Отечественные записки», где редактором с 1839 года был Краевский, а главной звездой – Белинский. Но в 1847 году Белинский уходит в «Современник» к Некрасову и Панаеву. И с этого момента главным рупором западников становится именно этот журнал.

В кружке славянофилов, вокруг его идеологов Хомякова и Ивана Киреевского, объединились уже известные нам братья Аксаковы, Самарин, Погодин, Кошелев, Шевырев, а также Петр Киреевский, Дмитрий Валуев, Иван Беляев и князь Владимир Черкасский. Позднее к ним примыкали также известный поэт Аполлон Григорьев и драматург Александр Островский.

Главным печатным изданием славянофилов стал журнал Погодина «Московитянин», издававшийся с 1841 по 1856 годы. Ему на смену пришел журнал «Русская беседа» (1856-1860), принадлежавший Кошелеву и Ивану Аксакову.

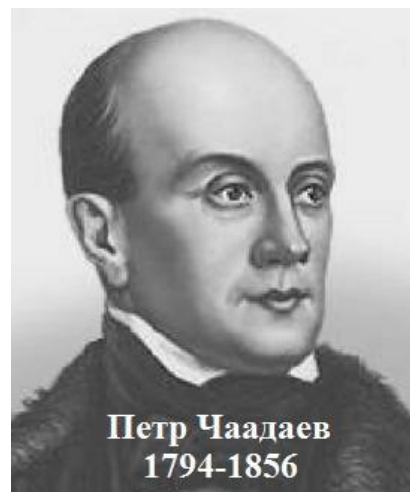
Николай Некрасов
1821 1877

Удивительно, но все эти столь разные лица обоих лагерей имели одно общее. Практически все они в той или иной мере имели отношение к Московскому Императорскому университету. Это дает нам основание утверждать, что Московский университет фактически стал Alma mater русской интеллигенции.

И западники и славянофилы призывали к немедленным переменам и, прежде всего, к отмене крепостного права. Но при этом славянофилы развивали собственные идеи. Они указывали на самобытность русского пути. А главной движущей силой называли православный народ, объединенный на общинных принципах. Фактически они отстаивали национально-либеральные идеи.

Западники собственных философских идей не имели. Они их, естественно, черпали у Запада. Но зато у них был «неистовый» Вессарион. В этот период Белинский в очередной раз «сменил вехи». Покончив с «разумной действительностью» Гегеля, он переходит от идеализма к материализму, атеизму, реализму и гуманизму, а под влиянием Герцена – и к социализму. Со всей энергией своей неистовой природы он обрушивается на российскую действительность, противопоставляя ей «цивилизованный» западный мир. Как вспоминал Герцен: «Когда касались до его дорогих убеждений... он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль». Наиболее радикальным и практически последним его произведением стало знаменитое письмо Н. Гоголю, написанное в июле 1847 года, незадолго до смерти.

Первая работа в духе западничества, «Философическое письмо» крупного масона и философа Петра Чаадаева, была опубликовано в журнале Надеждина «Телескоп» еще в 1836 году. Чаадаев также был поклонником Шеллинга и «Высшего Разума». Объявив, что «водворение Царства божьего на Земле» осуществляется на Западе, Чаадаев видел спасение России в принятии католичества и отказе от православия.

После публикации журнал был закрыт, Надеждин сослан, а Чаадаев официально объявлен сумасшедшим. Но реакции славянофилов тогда не последовало – за отсутствием таковых на тот момент. А Чаадаев стал идейным знаменем западников. Но провозвестником западничества можно считать еще сподвижника Лжедмитрия I князя Ивана Хворостинина, который писал, что «в Москве людей нет, люд все глупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а живут ложью». Также как и Чаадаев, он видел спасение России в переходе в католичество.

Формально, битва западников и славянофилов открылась в 1839 году статьей Алексея Хомяков «О старом и новом», в которой излагались основные идеи славянофильства. Статья эта была написана для философских вечеров, устраиваемых в доме Ивана Киреевского. С этого момента и началось формирование, как самого идейного течения, так и кружка его носителей.

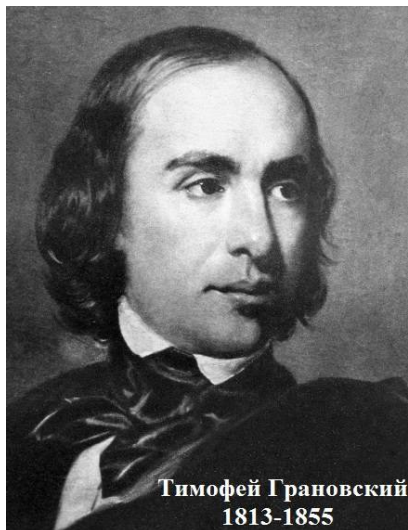
Битва разворачивалась не только на страницах журналов, но и в стенах университетов, прежде всего, в Московском. Здесь «молодые» профессора-западники во главе с Грановским вели борьбу за умы студентов со «старыми» профессорами-славянофилами Погодиным и Шевыревым. Завершилась она не в пользу последних. Популярность «западников» у студентов постоянно росла, а Погодина – падала. Видя это, Михаил Петрович решил применить запрещенный прием. В 1844 году, протестуя против «безграмотности» и «не патриотичности» молодых профессоров, он подал в отставку.

Погодин пользовался безоговорочной поддержкой министра просвещения Уварова. Поэтому он надеялся, что его будут уговаривать остаться, как это уже бывало раньше, а хотя бы часть его противников уволят. Но попечитель университета граф Строганов благоволил к его недругам. И отставка была неожиданно принята. С этого момента господство профессоров-западников стало безраздельным.

Но помимо противостояния по принципу «свой – чужой», для формирования новой социальной или этнической группы необходим был позитивный миф. Началом формирования этого мифа, по-видимому, можно считать 1847 год, когда в Московском Императорском университете произошел скандал, доселе неслыханный. Скандалу предшествовало вполне рядовое для России событие. Профессор Никита Крылов в полном соответствии с положениями «Домостроя» получил уму-разуму, то есть попросту поколотил свою жену. В процессе разбирательства выяснилось также, что Крылов еще и оказался взяточником. Что, как вы понимаете, у нас тоже не является чем-то необычным.

Но вдруг, совершенно неожиданно, группа профессоров (Грановский, Кавелин и Редкин) объявила Крылову бойкот. Они заявили, что по нравственным

причинам отказываются работать вместе с ним и перестали ходить на лекции.

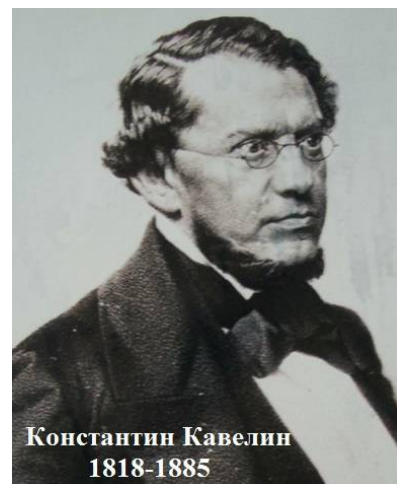
Тимофей Грановский
1813-1855

Скандал был разрешен в традиционном для бюрократии русле. Взяточник Крылов был оставлен, а «бунтовщики»: Кавелин и Редкин – уволены. При этом был оставлен и Грановский, как не отработавший положенных 12-ти лет за казенную командировку в Берлинский университет.

На первый взгляд, конфликт этот был чисто бытовым. Жена Крылова была сестрой жены Кавелина, а Грановский и Редкин были его друзьями.

Но едва за уволенными закрылись двери, как в студенческой среде родился миф о ярких ученых и педагогах, бескомпромиссных борцах с «тиранией», «творческих личностях, руководствующийся чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед Культурой и Наукой».

Как ни странно, прототипом для этого мифа стали не уволенные профессора, а никак не пострадавший Грановский. Причем все попытки его ближайших знакомых развенчать этот миф, наткнулись на яростный отпор.

Константин Кавелин
1818-1885

Петр Редкин
1808 1891

Так, выпускник Московского университета, историк Александр Афанасьев отмечал, что «Грановский был страшно ленив и не усидчив для строгих научных работ». Востоковед Василий Григорьев, однокашник Грановского по Петербургскому университету, утверждал: «Грановский в пансионе не выучился ничему... мало вынес и из университета, где студенты лишь зубрили по тетрадкам записи лекций случайных преподавателей... не так уж много получил и во время командировки в

Германию, ибо усвоение фразеологии Гегеля не заменяет подлинного знакомства с философией».

Развитию мифа способствовала и ранняя смерть Грановского. А авторы вышеприведенных воспоминаний подвергались обструкции со стороны прогрессивной общественности. И чем позже появлялись эти воспоминания, тем сильнее она была. Историк Александр Формозов пишет²: «О Грановском помнит каждый русский интеллигент... Но что о нём помнят? Пожалуй, только то, что был такой популярный профессор, близкий к Герцену, Белинскому и любимый молодежью. Статьи его забыты прочно. Их и по числу немного, и по содержанию они мало оригинальны. Никакого влияния на медиевистику, как русскую, так и мировую, они не оказали».

На чем же тогда основывался миф о выдающемся ученом и человеке? По моему, хорошее объяснение дал Александр Герцен. «Его сила была... в положительном нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселял, в художественности его натуры, покойной ровности его духа, в чистоте его характера... Грановский сделал из аудитории гостиную, место свидания, встречи *beau mond'a*,» – пишет он в «Былом и думах».

Ему вторит ученик Грановского, историк Сергей Соловьев: «...лекции Грановского можно сравнить с изящной картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцвечены, говорят, действуют пред вами... в Грановском была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодых и немолодых людей... но и люди самые привязанные к нему должны были иногда с горем порицать его в глаза и за глаза: лень заставляла его закапывать свой блестящий талант; с необыкновенной легкостью проглатывая чужое и претворяя это чужое в свою собственность, Грановский с величайшим трудом мог заставить себя взять перо

² Формозов А.А. Рассказы об ученых. М.: Флинта. – 2011. – 124 с.

в руку... Грановский детей не имел. Это обстоятельство, разумеется, много способствовало его лени, беспечности; потом я уже сказал, что он был постоянно окружен толпою людей, с которыми весело было проводить дни, ночи, от остроумной, веселой беседы с которыми трудно было оторваться для кабинетного труда».

Да и сам Тимофей Николаевич любил напустить таинственности, постоянно намекая, как много он претерпел в борьбе за идеалы! Это его свойство весьма едко высмеял Достоевский в романе «Бесы» в образе Степана Тимофеевича Верховенского, прототипом которого и был Грановский.

Очевидно, что миф о Грановском отвечал потребностям определенной части общества. Этот миф, а вместе с ним и идеи западников, стали стремительно завоевывать умы студенческой молодежи. И именно на нем сформировалась молодежная субкультура, ставшая основой для устойчивой социальной группы, в дальнейшем известной под именем русская интеллигенция.

Восторженные прозападные настроения стали всеобщими. Анненков, присутствовавший на публичных лекциях Грановского в конце сороковых годов, отмечал: «Когда в заключение своих лекций профессор обратился прямо от себя к публике, напоминая ей, какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, – голос его покрылся взрывом рукоплесканий, раздавшихся со всех концов и точек аудитории». Для большинства образованной молодежи западная цивилизация становится вершиной человеческой истории, на задворках которой оказались русские.

Таковыми же рукоплесканиями сопровождались и лекции профессора Михаила Лунина, который читал курс истории в Харьковском университете. Многие современники называли его вторым Грановским.

Надо признать, что битву за умы не только студенческой молодежи, но и всего мыслящего общества тогдашней России, славянофилы проиграли. Их

журналы не пользовались популярностью у читающей публики и к 1860 году закрылись. Некоторые идеи славянофилов нашли отражение в панславизме Николая Данилевского, пережившего взлет популярности в 70-е годы после освобождения балканских народов от османского ига. Но в целом поражение славянофилов было неизбежно. Попытки строить многонациональную Российскую империю по лекалам мононационального царства Московского были изначально бесперспективны.

Созданная ими социальная группа не пережила ее создателей. С точки зрения этнологии, возникшая внутри дворянского субэтноса консорция³ славянофилов распалась после смерти ее членов, не перейдя в конвикцию⁴.

А вот консорция западников продемонстрировала свою устойчивость. Возникнув при слиянии дворянского и разночинного интеллектуальных субстратов на фоне борьбы со славянофилами в 40-50-х годах, она пережила своих создателей.

Ее духовным знаменем стали строки, вынесенные в эпиграф данной главы. Здесь нужно сказать несколько слов об авторе этих строк, которого историк Николай Анциферов назвал «Агасфером⁵ русской интеллигенции». Владимир Печерин, дворянин, в 1831 году окончил филологический факультет Петербургского университета, обнаружив большие способности к древним языкам и классической филологии. С 1833 по 1835 год он стажировался в Берлинском университете, где и было написано цитируемое стихотворение. Вернувшись в Россию, в звании профессора Печерин в течение семестра читал лекции по классической философии в Московском университете. Казалось, что перед ним открывается блестящее научное и педагогическое будущее. Но уже летом 1836 года он навсегда поки-

³ консорция – кратковременное комплиментарное объединение группы людей, связанных единой целью и исторической судьбой.

⁴ конвикция – устойчивая группа людей с однохарактерным бытом и семейными связями.

⁵ Агасфер – легендарный персонаж, по преданию обреченный скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа.

нул Россию. Причины, побудившие его сделать это, Печерин объяснил в ответном письме Строганову, который звал его назад и обещал прощение. Письмо это, также написанное по-французски, настолько поражает, что заслуживает подробного цитирования.

«Почти с самого детства – пишет Печерин, – надо мною тяготеет непостижимый рок. Повинуюсь влечению таинственной силы, толкающей меня к неизвестной цели, ... сияющей блеском всех земных величий...».

«Вы призвали меня в Москву. Ах, граф! Когда я увидел эту грубо-животную жизнь... этих людей, на челе которых напрасно было бы искать отпечатка их Создателя... Я погрузился в мое отчаяние... я избрал себе подругу столь же мрачную, как я сам... Этой подругою была ненависть! Да, я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему окружающему!...».

«Я услышал голос моего Бога... «Что ты тут делаешь? Здесь – нет будущности! Встань! ... Возьми Мое святое знамя! Возьми Мой тяжкий крест, и носи его... до Голгофы! Ты падешь, но имя твое будет записано ... между именами величайших мучеников человечества!...».

«Я извлек из своего измученного сердца несколько капель крови и подписал окончательный договор с дьяволом, а этот дьявол – мысль!»

Письмо это поражает, прежде всего, какой-то клинической ненавистью к своей Родине! И гипертрофированным, раздутым до невероятных размеров самомнением!

И чем же все это кончилось? Промаявшись несколько лет где-то на задворках Европы, без денег и работы, в 1840 году он принял католичество и стал монахом Ордена редemptористов. Но в 1861 году покинул и его. После себя он не оставил ничего, кроме «Замогильных записок», где описал крах представлений о собственном величии. Правда, нужно признать, что его запоздалое открытие того, что «латинские народы сгнили до корня...», и «Россия вместе с Соединенными Штатами начинают новый цикл в истории...», предвосхитили Шпенглера с его «Закатом Европы». Но это только еще раз показывает – какой талант был растрочен впустую.

«Но причём здесь интеллигенция? – спросите вы. – Мало ли на свете людей, страдающих манией величия?» Но гипертрофированное представление о собственной значимости – это и есть родовая черта русской интеллигенции, как дореволюционной, так и современной. Это хорошо видно и в выступлениях на том самом Конгрессе, и в трудах многих современных интеллигентов, в том числе и в рассмотренной нами работе профессора Соколова.

Современники Печерина из лагеря интеллигентов постоянно подчеркивали духовную связь с ним. «Это брат наш...», «Родная душа...», «Он наш, наш, наш!» – читаем мы в их работах и письмах.

Второй родовой чертой интеллигенции, подтверждающей, что приведенные строки начертаны на ее знаменах, стала ненависть к России и всему русскому. Правда ненависть эта развивалась постепенно и прошла три стадии. На первых порах, среди «личных» интеллигентов первого поколения⁶ 40-50-х годов, ненависть выражалась только по отношению к Николаю «Палкину» и его бюрократической системе. В пореформенной России, в 60-70-х годах среди интеллигентов второго поколения эта ненависть распространилась уже на весь институт самодержавия. А в третьем поколении, после «удачного» хождения в народ, ненавидимы стали уже и сам русский народ, и его государство.

Итак, хотя западники не имели собственных идей вообще, но на их стороне был блеск и великолепия парадного фасада европейской цивилизации, над которым царил Гегель. А поскольку конечной целью движения гегелевской «Абсолютной идеи» являлась Пруссия, то православная Россия в этой схеме оказалась лишь историческим недоразумением. Поэтому и отношение к ней у победителей в идеологической битве было соответствующее. Ну а другой причиной этого отношения стало масонство, более 80-ти лет отравлявшее умы интеллектуального слоя высшего дворянства ядом презрения к своему Отечеству.

Для полноты картины вспомним существовавший длительное время литературный кружок Селивановского. Помимо известных критиков, литерато-

⁶ Здесь под этим термином подразумевается обычное демографическое поколение, а не мифические групповые поколения соколовских интеллигентов.

ров, художников, композиторов, актеров, то есть деятелей искусства, в него входили некоторые члены кружка Белинского во главе со своим вождем. Благодаря харизме Белинского, «семена» западничества проникли и в «богемную» среду, далекую от философии. Тем более что семена упали на благодатную почву. Развитие светских искусств в первой половине XIX века в России, несмотря на «золотой век» русской литературы, отставало от Западной Европы. И потому идеи преклонения перед Западной культурой нашли широкое понимание в этой среде. А многие деятели культуры и искусства оказались втянутыми в субкультуру интеллигенции.

В связи с этим необходимо вспомнить о Пушкине, символе «золотого века». Интеллигенты и его пытаются задним числом вписать в свои ряды. Желание вполне понятное. Приятно греться в лучах всемирной славы великого поэта. Для них он «наше все», священный тотем, вскормивший интеллигенцию подобно Капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рэма.

Интеллигенты возводят Пушкина на роль своего духовного провозвестника, основываясь на его творчестве периода «пылкой юности», масонских увлечениях и моральной поддержке его друзей-декабристов. Но, в период творческой зрелости Александр Сергеевич вполне избавился от всей этой квазиромантической мишуры. В своем знаменитом стихотворении «Клеветникам России» он дал четкий и ясный ответ на все претензии западной интеллигенции связать с собой его великое имя.

Представляю, как возмутятся бесчисленные интеллигенты-«пушкинисты», больше века живущие за его счет. И все же, «дорогие друзья», ничего у вас не выйдет. Мы вам Александра Сергеевича не отдадим!

Еще более нелепыми выглядят попытки притянуть к интеллигенции великого писателя и религиозного мистика Николая Гоголя. Основание – его острая политическая сатира. Но сатира и ненависть – понятия хотя и близкие, но не тождественные. Жванецкий и Гоголь – оба замечательные сатирики. Но истинный интеллигент среди них только один. «Моя мечта – разровнять место,

где была Россия, и построить что-то новое. Вот просто... Разровнять...» – изрек Михаил Михайлович. Разве Гоголь мог сказать что-то подобное!?

Наконец, особенно нелепо выглядит попытка связать Гоголя с интеллигенцией в свете его последней работы «Выбранные места из переписки с друзьями», получившей столь гневную отповедь «Апостола» интеллигенции Виссариона Белинского.

Пожалуй, из блистательной тройки великих русских литераторов первой половины XIX века, с очень большой натяжкой провозвестником интеллигенции мог бы быть назван только Михаил Лермонтов. Основанием для этого утверждения было подозрительное сходство фамилии его главного литературного героя с фамилией одного из символов русской интеллигенции, а также учеба в московском университете. И, наконец, главный аргумент – он печатался в «Отечественных записках», рупоре западников.

Но в московском университете поэт проучился недолго. В кружки не вступал, с Белинским не общался. Его главный герой Печорин – «лишний» человек, а вовсе не поклонник Запада. Произведения же его, публикуемые в «Отечественных записках», никакого отношения к полемике западников и славянофилов не имели. И погиб Лермонтов, также как и Пушкин, как истинный дворянин, со всеми его достоинствами и предрассудками.

Итак, из группы мыслителей-западников и их последователей, одержавших победу в идеологической борьбе над славянофилами, в результате слияния дворянского и разночинного интеллектуальных субстратов сформировалась новая субкультура или консорция, получившая имя – русская интеллигенция. Она стала передовым отрядом той части русского общества, которая решительно отвернулась от самодержавной идеи и национальных традиций.

Следуя методологии профессора Соколова, сформулируем концепт этой рождавшейся субкультуры. Для середины XIX века этим концептом будет: образованный и творческий человек, руководствующийся не только разумом, но и чувством совести, эмоциями сострадания к «народу», ненависти к николаевской бюрократической системе и благоговения перед Западной культурой.

Здесь слово народ взято в кавычки потому, что сострадали интеллигенты не реальному русскому народу со всеми его достоинствами и недостатками, а идеализированной в их сознании абстракции. Кроме того, как заметит внимательный читатель, по сравнению с концептом Соколова, здесь отсутствует чувство стыда. Дело в том, что это чувство присуще абсолютно всем социальным группам и потому не может служить отличительной чертой интеллигенции. Только содержание этого чувства у каждой социальной группы разное. Так, для скинхедов стыдно не разбивать арматурой головы гастарбайтерам, а в подростковой среде стыдно публично выказывать уважение родителям. Для интеллигентов же, например, стыдно признаваться в любви к Родине.

Как справедливо отмечает Соколов, «отличительными признаками субкультурных сообществ, принятыми в социологии, являются: обособление и откровенная оппозиционность по отношению к культуре господствующего общества (истеблишмента); наличие собственных харизматических лидеров, своего языка (жаргона), стиля поведения, обрядов; разделяемые членами группы общие ценности, идеалы, жизненные цели; присутствие игровой компоненты, придающей эмоционально-эстетическую привлекательность субкультуре».

Как мы видим, оппозиционность к культуре господствующего общества – налицо. Харизматических лидеров, таких как Белинский и Грановский, тоже достаточно. Идеал – Западная культура, присутствует. Жизненные цели – стремление к ней, в наличии. Общие ценности: ненависть к Николаю «Палкину» и его бюрократической системе и благоговение перед Западом – тоже есть. Стиль поведения формируется на мифах об отцах-основателях и включает в себя такие отличительные черты, как: неприятие любых контактов с официальной властью; крайняя нерасчетливость; пренебрежение карьерой в пользу науки, искусства или убеждений; безалаберный образ жизни; склонность к смелым, скоропалительным обобщениям; подражательность и дилетантизм.

По меткому выражению Константина Леонтьева: «Русские интеллигенты самые наивные и доверчивые ко всему, что они считают новым и что имеет западное происхождение. Они являются своего рода «обезьянами прогресса»». А

Виктор Аксючиц заявлял: «экзальтированный дилетантизм стал неотъемлемой чертой прозападнической интеллигенции».

Любимое занятие – бесконечные словопрения в кругу друзей, а игровая компонента – собрания в «тайных» кружках. И важнейшая, неистребимая черта, идущая еще от Печерина, – непоколебимая вера в собственную значимость и исключительность! А также ненависть к «сатрапам и душителям свободы»!

Патриотизм, любовь к Родине! Эти чувства для интеллигентов с самого начала были под запретом. Характерны слова такого умеренно либерального интеллигента, как Тургенев, который писал Полине Виардо 29 мая 1849 года по поводу подавления революции в Венгрии: «К черту всякое национальное чувство! Для честного человека есть только одно отечество - демократия, а если русские победят, ей будет нанесен смертельный удар».

С самого своего зарождения русская интеллигенция отличалась негативным мироощущением. Оно возникло под впечатлением от немецкого *Ordnung*⁷ и классической немецкой философии, французских изящных искусств и английской промышленности, в сопоставлении с крепостным рабством и николаевским бюрократическим режимом в своей стране.

Другой отличительной чертой русской интеллигенции стало ощущение собственной исключительности и великого предназначения. Своей миссией они видели донесение философских «откровений», полученных в стенах университета, до русского общества, открывая ему глаза на весь «ужас» своего положения.

Итак, в середине 19 века в России среди образованных людей возникло странное заболевание, симптомами которого были негативизм и мания величия. Поначалу эпидемия этой болезни наблюдалась, в основном, в Московском университете. Есть соблазн предположить, что, может быть, в его стенах располагались геопатогенные зоны. Может, стоило планировку поменять или мебель переставить? Но тогда еще специалистов по биолокации не было, и потому русская интеллигенция уверенно шагнула на историческую сцену.

⁷ *Ordnung* - порядок.

По началу, первые интеллигенты пребывали в сладостных грезах идеализма, уповая на «Абсолютную идею», которая каким-то образом приведет Россию в лоно просвещенного Запада. А главным препятствием к этому им виделся николаевский режим и крепостное право. Часть западников, таких как Бакунин, Герцен, Огарев, Тургенев и другие осуществила свои мечты в индивидуальном порядке, перебравшись на землю своих грез, став первыми диссидентами-иммигрантами.

«А разве не Печерин – первый диссидент-иммигрант?» – спросите вы. Но по определению «диссидент – это человек, который не только имеет, но и отстаивает радикальные взгляды, расходящиеся с общепринятыми». Поэтому приоритет, несомненно, за Бакуниным и Герценом. Хотя диссидентство на Руси имеет давнюю историю. Провозвестником иммигрантского движения диссидентов можно считать подьячего Посольского приказа Григорий Котошихина. В 1664 году он бежал в Швецию. Здесь по заданию шведских властей Котошихин написал пасквиль «Россия в царствование Алексея Михайловича».

К монархии по началу у них претензий еще не было, так как Гегель об этом ничего не сказал. Да и их светлый европейский идеал тоже был сплошь монархическим. Но после кровавых революций 1848 года наши интеллектуальные обезьянки быстро избавились от идеалистических иллюзий и, в соответствие с новыми западными веяниями, превратились в материалистов и социалистов. Бакунин сначала примкнул к марксистам, стал убежденным сторонником пролетарской революции, а затем приобрел известность, как теоретик анархизма. Герцен в поисках движущей силы революции (буржуазия и ее могильщик – пролетариат в России тогда еще находились в зачаточном состоянии) вообще метнулся к своим недавним противникам – славянофилам. Вглядываясь орлиным взором из далекого Лондона в душу русского мужика, он разглядел в ней симпатии к социализму. А обнаружив, «обогатил» человечество теорией крестьянской социалистической революции.

Но для подавляющего большинства западников, остававшихся в России, парадный фасад Европы по-прежнему оставался «сияющей вершиной», к кото-

рой нужно стремиться. И из этого щенячьего восторга перед Западом, к концу 50-х годов выросла устойчивая субкультура или в терминах этнологии – консорция, получившая в дальнейшем имя – интеллигенция.

Но, именно для первого поколения русских интеллигентов были характерны многие идеалистические черты, которыми оперировали участники Конгресса интеллигенции 1997 года. Здесь действительно присутствовали и «высокий уровень духовности», и «обостренное чувство справедливости», и «нравственный идеализм», и «груз ответственности перед обществом», и «тяга к противостоянию деспотической государственной власти», и «жертвенность», и «известный аскетизм», и «больная совесть».

По поводу происхождения последней, писатель-иммигрант Борис Хазанов не без сарказма заметил: «Величайшей и незыблемой опорой бюрократического режима была согнутая в три погибели, широкая и способная вынести все на свете спина русского крепостного мужика... он кормил своим трудом и помещика-землевладельца, и чиновного бюрократа, и интеллигента. У двух первых это обстоятельство не вызывало угрызений совести; такой порядок казался им естественным. Зато интеллигенту было горько и стыдно. Слишком очевиден был контраст, зрелище социальной несправедливости слишком бросалось в глаза, чтобы русский интеллигент, воспитанный в школе европейского просвещения и либерализма, мог спокойно предаваться ученым или литературным занятиям, служить на государственной службе, наконец, просто вести частную жизнь. Надо было что-то делать с этой страной или хотя бы вопрошать себя и других: что делать?»

И действительно, в отличие от современных интеллигентов, вроде Ксении Собчак, «рябчиков жевывавших» без всяких угрызений совести, тогдашним интеллигентам кусок буквально в рот не лез. И даже чай они пили без всякого удовольствия, так как в голове у них стоял мучительный сакраментальный вопрос, – Что делать?